

*Ему нравились эти беспрерывные внезапности, неожиданности, поражающие в Риме.
Н. В. Гоголь. "Рим"*

В Рим, как и вообще в Италию, едут, чтобы встретиться с городом, где много прекрасной и несравненной старины, лучшего в мире искусства, античных памятников и ренессансных фресок, старых мраморов, где в прямом смысле ощутимо "дыхание истории".

Все это и на самом деле так.

Но есть и нечто иное, быть может, самое главное.

Ощущение, что Рим, как кто-то мудро и точно сказал, - "отечество нашей души".

Наше "культурное сознание" - сколько бы не изменяла его Америка - европейское сознание. Нас - кого лучше, кого хуже - воспитывали на европейских ценностях, и кто хоть раз побывал в эрмитажных залах, уже не забывает ни завораживающие лица мадонн Леонардо да Винчи, ни колдовскую живопись Веронезе, ни горделивых и коварных римских цезарей, высеченных из потускневшего уже мрамора.

Когда нас еще никуда не пускали, когда заграница была, как выражался Остап Бендер, "мифом о загробной жизни" - в ту пору каждый, кого спрашивали, куда хотел бы он (теоретически, разумеется) съездить, непременно отвечал: "В Париж!". Конечно же, Париж - олицетворение "заграницы", сердце цивилизации, шика, легкомыслия, изящества, возвышенных грез, поэзии, город звенящий шпагами и блистательными руладами несравненного французского языка, "на котором не только говорили, но и думали наши деды" (Лев Толстой).

Но вспомните, сколько удивительных, глубоких и тонких людей стремились жить и даже умереть в Италии, грезили и вспоминали о ней. Рабле, Монтень, Пуссен, Стендаль, Гоголь, Блок, Бродский... Сколько литературных героев проживали в Италии свою судьбу, какие фильмы здесь сняты - "Сладкая жизнь (Dolce vita)", "Ночи Кабирии", "Рим(Fellini - Roma)", не столь известная, но блистательная картина Гринуэя "Брюхо архитектора" (The Belly of an Architect)".

Рим не просто город - событие, явление природы, мир, который простирается не только в пространстве, но и во времени. У него нет начала и нет конца.

Не потому ли так часто стоят в Риме уличные часы?

В чем-то Рим - существеннее, серьезнее, важнее всех прочих городов. Не нужно для этого объехать весь мир, это ощущается аксиомой. Здесь человек остается наедине с самым началом, с "завязью" нашей европейской цивилизации.

Если, конечно, он хочет этого.

О, разумеется, Рим - рай для туриста и можно прожить не одну неделю, повинувшись окрикам гида "посмотрите направо, посмотрите налево..." В самом деле, вы увидите массу прекрасных памятников. вы можете щелкать фотоаппаратом, снимать красоты города на видеопленку. Но, поверьте, потом, глядя на фотографии или экран телевизора, вы испытаете разочарование.

Ведь Рим ждет свидания с вами. А вы, вместо того, чтобы, затаив дыхание, вглядываться в его странное и прекрасное лицо, весело его снимаете...

Но вот настал день и час, вы прилетели на аэродром Фьюмичино, или, как он называется официально, аэропорт "Леонардо да Винчи".

Если вы бывалый путешественник и видывали аэропорты Парижа (и уж наверняка - Нью-Йорка), здесь вас ничего не поразит. Разве только необыкновенной важности карабинеры, высокие, красивые и строгие, в щегольской униформе.

Но по пути - до Рима километров двадцать пять - все же начинается некоторое волнение. Где, когда мелькнет сквозь обезличенный цивилизованный пейзаж нечто вполне римское?

Шоссе мнится отчасти и провинциальным после просторных, отливающих светлой сталью немецких автобанов и элегантных французских "autoroutes" с их настойчивой и изысканной рекламной чехардой. Но сквозь эту провинциальную "безликость" вдруг пробиваются приметы наступающих чудес.

Пинии.

Маленькие, всегда зеленые, грациозно кривые (именно так!), деревья с плоской кроной. Мы видели их на картинах, читали о них. Это уже Италия, линия - знак "полуденных стран". Но вот где-то подальше, за каким-то скучными строениями, на холмике возникло что-то беспокойно гордое, нездешнее, страшно знакомое.

Не знаю, что увидите вы впервые. Быть может, и просто безымянные развалины забытого храма, но сумрачный мрамор - примета торжественной древности - уже напомнила вам, что вы на земле Лациума, иначе говоря, в Древнем Риме...

Здесь говорили на языке, чеканном, как медь легионерских лат, на той забытой, торжественной латыни, на которой уже никто не говорит, но которую изучают, которой поклоняются даже те, кто вовсе не знает ее.

Здесь возникло все то, что давно и прочно вошло в нашу жизнь, хотя мы и не вспоминаем - откуда все это. "Сколько воды утекло", - произносим мы, не ведая, что говорим о римских водяных часах -клепсидре. "Аэропорт", слово уж куда как современное - тоже из латыни: "aer - воздух", "portus - гавань". Вся великая литература

настоена на этом языке, все мыслители былых времен к ней обращались, и Пушкин, писавший, что "латынь из моды вышла нынче", читал и переводил (и как!) римских поэтов...

Если вам повезет, вы можете встретиться с удивительным зданием. Говорю "если повезет", поскольку сюда из Рима вряд ли вы специально поедете, а по дороге из аэропорта попасть сюда несложно.

Я имею в виду базилику св. Павла "за стенами" (Basilica di san Paolofiore le mura, по латыни - Extra Muros). Въезжая в Рим, мы не думаем о раннехристианских временах, только о Ренессансе, барокко, античности. Сознание не подготовлено к этому мрачному торжественному зрелищу, к уходящим в бесконечную даль высоченным нефам, к странному храму, где фараонское величие сочетается с пустым пространством и аскетичным великолепием. После пожара здание было основательно перестроено, но об этом не хочется думать: впечатление не меняется, долго в храме быть трудно, он слишком велик, и спокойная огромность его внушает холодный трепет, здесь начинаете вы ощущать христианский Рим, безжалостный в своем угрюмом и агрессивном фанатизме.

И смиренное ожидание радостных чудес с тех пор уже не покидает вас.

Потом, совершенно неожиданно (в Риме неожиданно все и всегда, см. эпиграф!) словно бы в провале и одновременно на возвышении (такое в Риме случается постоянно, поскольку время подняло город и прежние холмы теперь ниже уровня улиц) вы вдруг увидите просто маленький Колизей. Но если вы остановитесь и несколько минут посмотрите на его пористые, будто из окаменевшего пепла выстроенные стены, вы заметите, что он на ваших глазах становится огромным, оставаясь маленьким. И вы окончательно уверуете в неопределимую сказочность Рима.

Конечно, позднее вас специально свезут в Колизей, расскажут о нем тьму интересных историй, но это первое впечатление не сравнить с экскурсией среди суесящихся туристов и торговцев.

Вы еще по-разному встретитесь в Колизеем. Особенно он таинственен и великолепен на исходе дня, когда падают стремительные римские сумерки, загораются лампы искусно устроенной подсветки и вместо темного силуэта на розовеющем небе он обращается в светлое видение на сумеречном фоне.

Если первым Римским утром у вас нет собственных, давно придуманных планов, сядьте на метро "Термини" (туристов чаще всего селят близ вокзала Термини, сам вокзал - дерзкое и нестареющее создание архитектурной мысли тридцатых - несомненно, заслуживает вашего внимания), и поезжайте на площадь Испании (Piazza di Spagna).

Кстати, о транспорте и о передвижении. Рим в этом смысле город нелегкий. Метро всего две линии и далеко не рядом со всеми знаменитыми местами города есть станции. Автобусы, хоть и работают, в отличие от того же Парижа, до поздней ночи, не так уж

многочисленны. А город, как известно, лежит на семи холмах, ходить по нему утомительно. И хорошо бы разобраться в автобусных маршрутах, купить недельную карточку, чтобы не тратить силы и время на длинные и дьявольски утомительные пешие переходы. И еще полезно иметь в виду, что билеты продаются в газетных киосках, а не в автобусе и что можно купить даже один-единственный...

Метро примечательно лишь откровенной надписью над билетной кассой "берегитесь воров". Но вот древнеримские названия станций - "Colosseo", "Flaminia"!

Наконец, станция "Площадь Испании".

Будем надеяться - еще рано, может быть, не очень солнечно, поэтому почти пусто, туристы не пришли. Чуть хмурится небо, незначительной, старой и обшарпанной кажется знаменитая лестница, площадь невелика, буднична и даже не слишком похожа на площадь. Так, улица у подножия лестницы.

Подождите. Сейчас произойдет новое чудо в череде итальянских чудес. Смотрите и не спешите. В этом городе спешить нельзя.

Картина начинает наливать цвет и масштаб. Маленький фонтан, оказывается, заполнен водой цвета молока с изумрудом, легкий ветер чуть рябит ее поверхность. Тускло и изысканно заблестел мрамор, а сама лестница вдруг круто вознеслась к небу, стала циклопической и вместе с тем соразмерной. Обрела смысл и значительность тишина, словно бы серьезнее стали люди, сгустилось спокойствие. И узкая улица у подножия лестницы словно расширилась. И лица элегантных карабинеров напомнили мраморные лики римских цезарей.

Стала осязаема спокойная густота Рима. Все приобрело особую значительность и даже смешные подробности римской жизни стали ощущаться как детали таинственной смазки. Конечно, дама в шляпке и норковом жакете, едущая на мотороллере, - сюжет куда как забавный, и старик-точильщик на велосипеде, служащем одновременно и точильным станком, вызывает улыбку. Но, может быть, это такое заколдованное римское царство, как у Андерсена или Кэролла в "Стране чудес". Все здесь странно.

А если вы оторветесь от этого голову кружащего волшебного зрелища, повернете в сторону Корсо (Corso) - главной улицы Рима, начнете спускаться по улице Кондотти (via dia Condotti), то встретитесь с историей вполне реальной. Тут, у самой площади, по правую руку - знаменитое кафе "Греко", основанное действительно неким греком более двухсот лет назад. Сюда приходили Гете, Стендаль, Вагнер, постоянно бывал Андресен (видите, не случайно мы вспомнили о нем!), живший в этом же доме. Римский вариант парижской "Ротонды", приют поэтов и художников былых времен. Сохранилось убранство прошлого века, он в Риме провинциально роскошен и претенциозен, но кафе очаровательно наивным своим богатством, обоями давленого бархата, старыми фотографиями.

Вообще Испанская площадь (как и весь Рим, разумеется!) просто дышит литературными

ассоциациями. У подножия лестницы жили Китс и Шелли. А главное, совсем рядом обитал Стендаль, автор не только всех известных романов, но и поразительных "Прогулок по Риму". "Чтобы быть на высоте этих переживаний, - писал он об ощущениях, испытанных в этом городе, - нужно в течение долгого времени любить и знать Рим. Их не поймет молодой человек, которого никогда еще не постигали несчастья". Поразительные слова. Их мог написать лишь Стендаль, так умевший любить, так много любивший и так редко и мало любимый. И так умевший чувствовать Италию.

Я знал, что он жил совсем рядом, но попал к его дому случайно. Был конец мартовского дня с уже низким, но почти летним итальянским солнцем. Я устал, чуть сбился с пути и, не стремясь навести справки у прохожих или заглядывать в план, просто брел, дыша Римом. И вдруг увидел странную улицу. Она круто поднималась прямо в небо, в синюю пустоту, и только темная линия виднелась высоко в глубине. Естественно, я пошел туда, к этой странной лазури. Табличка на стене пронзила сознание - Via Gregoriana. Здесь, 3 августа 1827 года Стендаль нанял комнаты "не торгуясь", чтобы скорей бежать любоваться Римом, а ведь он бывал там много раз, жил месяцами, и все же нетерпение томило его: "Солнце садилось, в моем распоряжении было всего несколько минут" - даже первый вечер боялся он потерять. Я шел вверх, почти физически ощущая присутствие этого удивительного человека, казалась неуместной контора торгового дома Версаче на виа Грегориана... Конечно же, я несправедлив, и нелепы эти мысли, но мне все еще чудится, что в Италии должны торговать лишь шпагами, масками, отравленными перстнями, нотами, тамбуринами или карнавальными домино.

Разумеется, Риму, как любому городу, нужны обычные магазины. Тем более, что реальная жизнь в нем ощутима порою до какой-то взрывной силы. И, если ненадолго отрешиться от щемящих воспоминаний и пристально взглянуть вокруг, то не то что "связь времен", но их абсолютная неразделимая слитность тут же обожжет ваше зрение.

Как-то я шел по незнакомой улочке. В самом центре Рима, где-то между Косо и площадью Навина. Под воротами дома вполне современной постройки темнела глубокая яма, рядом с которой еще старательно пыхтел экскаватор. А из ямы торчала выпачканная свежей землей античная колонна с почти не тронутой временем замысловатой коринфской капителью. За ней в самой глубине двора - облупленный, но великолепный фасад неведомого палаццо с пышными, тоже облупленным барочным фонтаном, как не странно, действующим - в брызгах воды даже мерещилась маленькая радуга. Над всем этим великолепием сушились сиреневые кальсоны на веревке. И стало понятно, почему в Риме вечно стоят часы - разве можно разобраться - не то что, который час, а "какое, милые, сейчас тысячелетие на дворе"... И древность, и роскошь барокко, и сегодняшний быт - все сливалось в единственный Рим, который сами обитатели его и раздраженно, и нежно называют "грязный бриллиант".

Да, он и невелик, и часто плохо убран, но для него - пустая суета все то щегольство молодых (перед Римом - и тысячелетний Париж сравнительно молодой город!) столиц, без которого они теряют часть своей притягательности. Ему не надо ничем казаться. Он может быть даже смешным - как на площади перед знаменитым фонтаном Отреви,

гигантским, несколько даже нелепым в своей странной почти кичевой чрезмерности, хотя и в нем таится странная - забавная, языческая, балаганная и вместе грозно-утонченная красота. А знаменитая на весь мир площадь Навона (Piazza Navina), словно бы лишенная архитектурного единства, обрамленная домами и церквями из пыльного ржаво-серебристого камня, звенящая упругими струями неутихающих фонтанов, чем пленяет она - и навсегда - каждого, кто побывал здесь хоть однажды? Конечно, эффектно и нарядны старые барочные фасады, можно долго любоваться блистательной скульптурой фонтанов, но есть издания и статуи в Риме, куда более знаменитые. Нет, площадь завораживает тем, что древние называли "genius loci" - "дух места", накопленной веками атмосферой задумчивого и одновременно безмятежного праздника, этой удивительной отъединенностью от остального города, хотя каждый здесь чувствует, что он - в сердце Рима. Не древнего, не нового. Просто - Рима.

"...Здесь, в Риме, не слышалось что-то умершее; в самих развалинах и великолепной бедности Рима не было того томительного проникающего чувства, которым объемлется человек, созерцающий памятники заживо умирающей нации. Тут противоположное чувство: тут ясное торжественное спокойство". Так писал Гоголь полтора столетия назад, и как прав он был.

Достоинство - оно повсюду в Риме, процитирую вновь Гоголя: "...народ, в котором живет чувство собственного достоинства: здесь он il popolo, а не чернь, и носит в своей природе прямые начала времен первоначальных квиритов".

С этим вы встретитесь повсюду. Редкий римский cameriere (официант будет с Вами хоть каплю подобострастен, равно как и неучтив. Он радушный хозяин, вы желанный гость. Конечно, всеевропейский упадок прежней любезности коснулся и Рима, но все же здесь многое иначе. "Светлая непритворная веселость", говоря словами все того же Гоголя, встречает вас здесь куда чаще, чем в иных столицах. Общение - способ существования для итальянца, порой кажется, что и жизнь здесь чуть проще и дешевле именно из-за добродушия людей.

Правда, надобно помнить, что в Италии люди не слишком любопытны, как-то самодостаточно и плохо, редко и неохотно говорят на каком-либо языке, кроме родного итальянского. И если вы прекрасно говорите по-английски или по-французски, вам это не слишком поможет.

Зато, если вы хотя бы чуть-чуть можете объясниться по-итальянски, это вызовет сочувственное восхищение. Итальянцы относятся к старательно говорящему на корявом итальянском иностранцу, как любящие родители к первым шагам начинающего ходить ребенка. Трепетно и восторженно.

И как не гордятся они Римом, знают они его посредственно. Римлянин знает только то, что ему интересно. И ответ: "Io non so (я не знаю)" вы там услышите куда чаще, чем в других столицах. Я однажды спросил у красавца карабинера на Корсо в самом центре Рима, действительно ли я стою перед палаццо Русполи. Он посмотрел на меня доброжелательно, неуловимо элегантно отдал честь и погрузился в раздумье.

Посмотрел на палаццо, помолчал и сказал без тени смущения: "Possibile, signore...Possibile... (возможно, сеньор, возможно)".

Но удивительно, здесь все равно как-то проще, чем в других странах, язык которых вам внятен. Может быть, еще и поэтому здесь многое легче, не говоря о том, что жизнь чуть дешевле, чем в Париже или Лондоне.

Несметное количество дешевых пиццерий - просто спасение, если у вас здоровый желудок и скромный кошелек. И сытно, и много, и действительно недорого.

А какой кофе! После чашечки эспрессо (густейший напиток, налитый лишь на доньшко) можно бросаться на борьбу с мафией как комиссар Катанья, а лакомкам лучше отведать знаменитого сарруссіно - с целой шапкой сладких взбитых сливок, такой приготавливают только в Италии.

Впрочем, и пообедать в ресторанчике можно очень вкусно и сравнительно недорого.

Любая trattoria - если это не шикарный дорогой ресторан, разумеется, дает возможность вкусно и скромно поесть. Тартеллини, равиоли - нечто подобное пельменям, тысяча и один вариант спагетти и макарон, при этом бокал превосходного дешевого вина из погреба хозяина (vino della casa). А вот пиво - так себе, если уж вы такой до него охотник, попросите разливного (birra alla spina).

Но Рим такой город, что и обед может повергнуть вас в смятение резким смешением времен и пространств.

Как и везде, в Риме недороги и хороши китайские рестораны. Но когда такой ресторанчик - на виа Фламиниа! Вдумайтесь в эти слова. Виа Фламиниа - дорога Фламиниа, по которой тяжко стучали шаги римских когорт, звенело оружие и легион за легионом шли на севере покорять варваров. А теперь - это просто узкая улочка на окраине, по которой резво бежит желтый трамвайчик. И китаец-официант говорит со мной по-итальянски немногим лучше меня, зато его четырехлетний сын - китайчонок-бамбино - стрекочет, как истинный потомок Данте. Вот вам и Рим...

В кафе, пожалуйста, посидите подольше. В Париже люди открыты внешним впечатлениям и одновременно погружены в себя, здесь же не слишком любят оставаться за столиком, чаще расхаживают по помещению, то подходят к стойке, то толпятся в каком-то углу, болтают. В одном из таких кафе сидел патрон, работая на портативном компьютере. "Джузеппе, - крикнул он бармену, - второе марта, это был какой день?" - "Кажется, четверг". - "Очень может быть", - согласился хозяин и бестрепетно занес эти сомнительные сведения в компьютер. Великое итальянское "possibile"!..

И как они платят налоги? Недаром у налоговой полиции есть даже бронированные катера с пушками!

Где же все таки он, неуловимый Рим?

Под тяжелыми арками Колизея? Близ нежданно открывающейся в проемах оживленных улиц колонны Траяна, напоминающей своим тускло-серебристым силуэтом на темно-вечереющем небе о жестоком величии империи, подчинившей себе половину мира? В маленьком кафе, где итальянцы естественны, словно в собственной семье и улыбаются вам, как старому знакомому? В пыльном сумраке музея Дориа-Памфили (зайдите туда непременно!), перед всевидящим взглядом Веласкесовского папы Иннокентия X, который, как рассказывают, увидев этот свой портрет, воскликнул: "Troppo vero (слишком похоже)!"? Среди садов Монте-Пинчо, откуда открывается незабываемый вид на купола Рима, или на вечернем Корсо, похожем на бесконечную праздничную залу, где люди забывают о печали, на фешенебельной улице Витторию Венето, где Феллини снимал "Сладкую жизнь", где все богатство нынешнего римского "света" надменно выказывает свой суетный блеск? Перед Пантеоном - храмом всех богов, где покоится прах великого Рафаэля, давно ставшего божеством, Пантеоном, который и для самого великого мастера был седой древностью, перед храмом, рядом с которым и вполне современные конные карабинеры в черных с лиловым подбоем плащах кажутся памятниками?

А возможно, более всего Рим открывается в потрясающем фильме "Fellini- Roma", где город показан сквозь время и пространство, сквозь судьбу человека и судьбы людей (посмотрите, если сможете, эту картину перед поездкой).

Но главный ваш Рим - поверьте - в какой-то "внезапности", о которой никто еще не знает, который вы вовсе не ждете. И которая заставит вас подумать о том, что слова "вечный город" - отнюдь не банальная метафора, а самая суть Рима, где о времени так легко забыть, и где недвижные стрелки часов вовсе не кажутся случайностью.